

СУБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА СМЕРТНИКОВ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

С.И. Чудинов

Новосибирский государственный
технический университет

shkola-mysli@mail.ru

В статье содержится философская критика методологических установок западных исследований в области религиозного экстремизма на примере терроризма смертников. Показано, что преобладание социологического подхода приводит к упрощенному пониманию проблемы субъекта экстремизма, односторонней социологизации или психологизации мотивов террориста-смертника, недооценке религиозного фактора.

Ключевые слова: терроризм смертников, исламизм, рациональный актор, мотивация смертника, экзистенциальный субъект.

Совокупность исследований терроризма смертников (мотивированного радикальным исламом), сложившихся к настоящему моменту в западной науке (основная их часть вышла в свет в первое десятилетие этого века), сложно привести в единую классификацию, но все же между ними обнаруживается много общего. Все существующие исследования терроризма смертников принадлежат одним и тем же областям социального и гуманитарного знания: большинство работ относятся к социологии и политологии, меньшая часть носит психологический характер. За рамки указанных дисциплин они не выходят, что объясняется исторически сложившейся традицией западной науки, согласно которой со времен утверждения господства позитивизма вся тематика, ассоциирующаяся с политической сферой (в том числе феномены экстремизма и терроризма), на Западе (эта тенденция выражена в США сильнее, чем в Европе) относится к компетенции

социологии и политологии и не попадает в сферу философского осмысления.

Отсюда, неудивительно, что западные исследования, несмотря на всю разноплановость, объединены фундаментальными методологическими установками и почти полным отсутствием анализа метафизических аспектов проблемы. Они ориентированы почти исключительно на эмпирический материал, ту или иную степень формализации исследуемых реалий (представление предмета исследования в виде модели, состоящей из совокупности тщательно классифицированных, однозначно определенных и эмпирически фиксируемых компонентов, причин, факторов, условий и т.п., вместе дающих общий результат в виде экстремистского насилия) и рационализацию мотивации террористов, из которой изгоняется все, что имеет метаэмпирический и сверхпрагматический характер, в том числе то, что не вписывается в формальную логику секуляризованного разума, не знакомого с религиозным опытом.

Важнейшей проблемой в изучении терроризма смертников является проблема характеристики его субъекта. В западной науке, к которой примыкают исследования израильских ученых, эта проблема, как правило, решается сквозь призму концепта рационального актора. В большинстве случаев рациональный актор понимается в социологическом смысле: под ним подразумевается не индивид, а социальная группа, воспринимаемая как некая целостность с едиными интересами, целями и стандартами поведения. Это понятие предполагает субъекта, который в социальном взаимодействии стремится максимально реализовать свои интересы при как можно меньших потерях, руководствуясь принципом калькуляции собственных затрат и приобретений и выбора среди возможных альтернатив наиболее выгодной. Поскольку в сфере терроризма смертников поведение индивида очевидным образом не вписывается в логику максимизации личных выгод и минимизации личных затрат, изучение социальных структур, ответственных за подготовку террористов-смертников стало рассматриваться тем «ключиком», который сможет открыть внутренний механизм, приводящий в действие экстремистские формы поведения. С начала XXI века в западной политологии все настойчивей стали звучать утверждения о том, что индивидуальное поведение, на первый взгляд кажущееся иррациональным (желание собственной смерти), может быть объяснено разумно, если принять тезис о первичности социальных и организационных аспектов в терроризме смертников. Теперь в американской и израильской академической среде, содержащей львиную долю специалистов по терроризму смертников, царит

фактически полное согласие относительно того, что последний нужно понимать именно как феномен «организационный»¹ или «преимущественно институционального уровня»².

Признав в качестве первичного субъекта терроризма смертников социальную группу (радикальную группировку), западные ученые разошлись во мнении относительно условий, при которых повстанческие организации готовы прибегнуть к такому нестандартному методу ведения террористической войны, и характера целей, реализации которых этот метод должен служить. К разным ответам также привел вопрос о том, каким образом индивид обретает готовность жертвовать собой ради коллективных целей и что способствует его вступлению в террористическую организацию.

Среди важнейших факторов, объясняющих механизм превращения индивида в террориста-смертника, часть западных специалистов отдает предпочтение процессу социализации внутри экстремистских групп (С. Атран³, Р. Паз⁴, П. Джилль⁵ и др.). Исходя из методологических установок, испытавших отчетливое влияние бихевиоризма, С. Атран утверждает, что в связке определенных контекстов (историческом, политическом, социальном и идеологическом) индивид может проявлять экстремальное

¹ К примеру, см.: Sprintzak E. Rational Fanatics // Foreign Policy. – Sep.-Oct. 2000. – № 120.

² Atran S. Genesis of Suicide Terrorism // Science. – 7 March, 2003. – Vol. 299.

³ Ibid.

⁴ Paz R. The Islamic Legitimacy of Palestinian Suicide Terrorism / R. Paz // Countering Suicide Terrorism. – Herzliya, 2001.

⁵ Gill P. A Multi-Dimensional Approach to Suicide Bombing / P. Gill // International Journal of Conflict and Violence. – 2007. – Vol. 1 (2).

поведение вне зависимости от его личных качеств⁶. Путем идеологической индокри-нации и тренировки и под влиянием харизматических лидеров замкнутые террористические ячейки канализируют несопоставимые религиозные и политические чувства индивидов в эмоционально сплоченную группу фиктивных родственников, которые сознательно желают эффективно умереть друг за друга и за то, что воспринимается как коллективное благо, способное смягчить политические и социальные тяготы своего общества⁷.

Израильский ученый Реувен Паз отстаивает концептуальную позицию, в точности совпадающую с мнением С. Атрана, утверждая, что организации, которые рекрутируют смертников, по сути растворяют их индивидуальные эго и выковывают корпоративный дух, который используется для поощрения самоотверженных действий⁸.

Такому концептуальному объяснению связи индивида и группы в терроризме смертников близки теории «экономического обмена», которые основаны на «теории рационального выбора»⁹ и используют понятие рационального актора в отличной от социологической, номиналистической интерпретации. Теория рационального выбора рассматривает в качестве первично-

го рационального актора индивида (вместо социальной группы в чисто социологических теориях). Каждый индивид структурирует возникающие перед ним социальные возможности по принципу субъективной полезности и принимает те практические решения, которые ему наиболее выгодны. Присоединяющиеся к террористической организации добровольцы тем самым вступают в негласный «контракт», который подразумевает взаимную социальную выгоду и обмен «услугами». К примеру, экономист М. Харрисон утверждает, что в социальных отношениях добровольца и экстремистской группы предметом «торговли» является жизнь в обмен на идентичность. Террорист умирает ради достижения группировкой своих целей. В обмен на это группировка подтверждает идентичность волонтера как воина-мученика¹⁰. Такая идентичность необычна, но она может стать привлекательной только при трех особенных условиях: наличии подрастающей молодежи (с еще неустойчивой идентичностью), угнетающей и конфликтной социальной среды и террористической группировки, которая эксплуатирует идеологию мученичества¹¹.

В социологических концепциях, делающих акцент на социализации, так же, как в теориях «экономического обмена», допускается важное общее аксиоматическое предположение о том, что рациональный выбор в пользу операции смертника есть прерогатива социальной группы, тогда как сам террорист-смертник ставится в подчиненное положение по отношению к этой группе.

⁶ В качестве примера автором приводится ссылка на психологический эксперимент, где обычный американец из-за чувства долга и повиновения власти способен применить крайнее насилие (разряд электрошока), следуя жестокому приказу «учителя», в отношении «ученика», который не вспомнил нужные пары слов. Atran S. Ibid. – P. 1536.

⁷ Atran S. Ibid. – P. 1534.

⁸ Paz R. Ibid. – P. 86.

⁹ Подробнее см.: Култыгин В.П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние / В.П. Култыгин // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 27–36.

¹⁰ Harrison M. An Economist Looks at Suicide Terrorism / M. Harrison // World Economics. – July-September 2006. – Vol. 7. № 3. – P. 10.

¹¹ Ibid. – P. 7.

Предложенные модели социологического объяснения вызывают ряд серьезных замечаний. Скажем, определяющую роль фактора социализации можно легко поставить под сомнение даже чисто эмпирически. Если взять пример палестинского терроризма, хорошо известно, что большинство смертников – добровольцы, пришедшие в радикальную организацию «со стороны». Решение совершить акцию самопожертвования, как правило, предшествовало каким-либо контактам с боевыми структурами радикальных группировок. А это означает, что та социализация, через которую прошел будущий смертник во время его тренировки, имеет в лучшем случае второстепенное значение. Более того, согласно авторитетному мнению М. Хафеза, во время второй интифады терроризм смертников в Палестине претерпел значительные перемены в сроках подготовки смертников: «...если ранее бомбинги смертников включали относительно долгий цикл рекрутирования, индокринации и тренировки, в последнее время бомбинги смертников осуществлялись волонтерами с подготовкой, составляющей не более чем несколько дней или недель»¹². Все это существенно снижает значение социализации и лишает ее той первостепенной роли, которую ей придают такие ученые, как С. Атран и Р. Паз.

Другая сторона дела – религиозно-идеологическая. Критикуя выше описанные теории, К. Викторовиц верно указывает на то, что в сознании смертника, исповедующего ислам, эмоциональные узы по отношению к «фиктивным родственникам» и задачи организации вряд ли могут замещать собой религиозные нормы. Для

¹² Hafez M. *Manufacturing Human Bombs: The Making of Palestinian Suicide Bombers*. – Washington, D.C., 2006. – P. 20.

смертника террористическая миссия может быть признана актом мученичества только в том случае, если она осуществляется как акт поклонения Богу. Если же это жертва жизнью ради группы, то согласно исламу – это не что иное, как одна из форм отступничества от веры¹³.

В научных концепциях, повышающих роль личностного фактора, характер индивидуальной мотивации смертника может оцениваться различно. Чаще всего ученые описывают смертника как психологического субъекта. Личностное измерение терроризма смертников, как правило, сводится к перечислению эмпирически фиксируемых психологических мотивов исполнителей мученических операций, таких как желание мести (за личные страдания или страдания и гибель близких), чувство испытываемого унижения, фрустрация, отчаяние из-за тяжелой социальной и политической обстановки и т.п.

Некоторые ученые попытались обработать самого террориста-смертника в полноценного рационального актора. В наиболее завершенном виде такой методологический ход был реализован в исследовании К. Викторовица. Викторовиц считает, что имеющиеся затруднения с объяснением логики как террористических организаций, так и самих индивидов-смертников можно решить, если принять, что их поведение определяется рациональным выбором, основанным одновременно на стратегических подсчетах и религиозных убеждениях. Смертника следует определить как «рационального истинно верующего» (*rational true believer*). От обычного рационального

¹³ Wiktorowicz Q. *Suicide Bombings. Do Beliefs Matter?* / Q. Wiktorowicz. – 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unc.edu/~kurzman/Soc3264/Wiktorowicz_EXPLAINING_SUICIDE_BOMBINGS.doc

актера он отличается тем, что свой доминирующий интерес видит не в чем-то материальном или политическом, но определяет в «духовных понятиях». Главным мотивом для него становится спасение души в Судный день¹⁴.

Однако М. Хафез отвергает возможность признания террориста-смертника в качестве рационального актора, поскольку теория рационального выбора, предполагающая селективные стимулы и общественные блага как основу калькуляции расходов и приобретений, а также стремление акторов к участию в разделении прибылей от предпринятых ими рисков, очевидно, не работает в случае «мертвых бомбистов»¹⁵. Попытка классифицировать ожидания посмертных наград, обещанных религией, в качестве предварительных селективных стимулов рациональной калькуляции потерь и приобретений для самопожертвования, по мнению ученого, проблематична, поскольку как цель (вознаграждение после смерти), так и средство (мученичество на пути Бога) такой рациональности зависят от глубокой религиозной веры бомбиста¹⁶.

В исследованиях психолога А. Спекхарда терроризм смертников представляется как продукт посттравматического психологического состояния, или диссоциации – разрушения нормальных связей между сознанием, памятью, идентичностью или восприятием окружающей среды, иногда проявляющемся в диссоциативном трансе¹⁷.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Hafez M. Ibid. – P. 14.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Speckhard A. Understanding Suicide Terrorism: Countering Human Bombs and Their Senders / A. Speckhard. – 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.annespeckhard.com/articles.html>

Несмотря на убежденность в том, что травматический опыт первичен в процессе производства смертников, Спекхард утверждает, что без идеологии, восхваляющей мученичество, он бессилен. Сочетание двух этих компонентов в едином союзе ответственно за конечный практический результат – мученические операции. Радикальные группировки, спонсоры атак террористов-смертников, путем идеологической индокринации предоставляют индивидам, психически травмированным в зонах политического конфликта, «первую психологическую помощь», предлагая им путь превращения из бессильной жертвы социальных сил в действующее лицо мировой или националистической драмы¹⁸. В этой концепции, несмотря на иррациональность первичной причины (диссоциативного состояния психики), признается рациональность смертников, обусловленная идеологическими убеждениями, что приближает ее к двум предыдущим решениям проблемы.

Разбор рассмотренных концепций приводит нас к заключению, что вне зависимости от того, каким путем решается проблема индивида как самостоятельного субъекта, ведущей тенденцией в теориях терроризма смертников, разрабатываемых на Западе, является склонность к объяснению личной мотивации смертника внешним социальным давлением, будь то со стороны экстремистской организации, в которую он вступает, или же более широкого идейного движения, пропагандирующего идею самопожертвования (религиозный фундаментализм), и социального окружения, которое эту идею транслирует. Личностное самосо-

¹⁸ Speckhard A. Defusing Human Bombs: Understanding Suicide Terrorism / A. Speckhard. – 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.annespeckhard.com/articles.html

знание и ценностное самоопределение человека мусульманской культуры в условиях политического противостояния родного общества с внешними силами, социального кризиса и связанного с этим травмирующего опыта существования (не только психологического) выводится за рамки исследования. Но это свидетельствует лишь о том, что на индивидуально-личностном уровне исследования терроризма смертников классическая идея рационального актора неизбежно терпит крах (что было отмечено М. Хафезом), сталкиваясь с верой и религиозными ценностями, которые не поддаются столь однозначной рационализации, к которой стремятся современные западные социологи и политологи.

Но если на индивидуально-личностном уровне идея рационального актора наталкивается на непреодолимый барьер в виде верующего разума, она очевидно вполне применима к объяснению поведения социальных групп – экстремистских организаций, которые рекрутируют смертников. Именно в этом направлении и пошло основное развитие западной академической мысли в аналитико-систематическом постижении феномена терроризма смертников, различие мнений ученых заключается только в выборе ведущих социально-политических факторов и трактовки стратегических задач экстремистских организаций. К примеру, широко известная националистическая теория Р. Пейпа сводит «стратегическую логику» терроризма смертников к задаче прекращения иностранной оккупации территории, которую террористы рассматривают как родную. Американский политолог М. Блум придает соперничеству между повстанческими группировками за народную поддержку первостепенную роль организации целых террористических кампаний,

состоящих из атак смертников. Другим исследователям (М. Хафез, А. Могадам и др.) принадлежат попытки интеграции множества эмпирически фиксируемых совокупностей факторов на трех уровнях (индивидуальном, организационном и социальном) с подчеркиванием особой роли «культуры мученичества» (культурных аспектов), что составляет так называемый «многоуровневый подход».

Как показывает опыт дискуссий вокруг националистической теории Р. Пейпа, даже стратегическую логику организаций, осуществляющих атаки террористов-смертников, не стоит унифицировать. Она значительно различается в каждом конкретном случае, что связано с особенностями политических задач, преследуемых в конкретном социальном конфликте, характером социальной базы повстанцев, наконец, идейных убеждений и ценностных ориентаций террористической группировки.

Однако для индивидов, становящихся смертниками, стратегической логики, которой может руководствоваться организация, явно недостаточно, в особенности в тех случаях, когда они добровольцы, избравшие путь «мученичества» без какого-либо внешнего социального принуждения. Здесь вступают в силу совершенно иные мотивы. К сожалению, тема экзистенциального опыта человека, превращающего себя в «живую бомбу», очень слабо исследована в западной научной традиции. В западной научной традиции мотивация террориста-смертника столь часто либо односторонне психологизируется, либо исключительно социологизируется. В этом мы могли убедиться, рассматривая выше ключевые социологические концепции, объясняющие сущность терроризма смертников либо психологической травматизацией (соеди-

ненной с религиозной индоктринацией), либо деятельностью экстремистских организаций, подчиняющих себе индивида, и социальным контекстом, создающим желание присоединиться к таким организациям. Связано это с тем, что западная наука сознательно ограничивает себя уже готовыми рамками, помещая феномен терроризма смертников, как и феномен терроризма в целом (во всех его проявлениях и разновидностях), исключительно в социально-политический контекст. Философское осмысление могло бы обогатить сложившиеся теоретические представления о терроризме смертников, но этого до сих пор не случилось, поскольку в социально-гуманитарных науках Запада (в первую очередь, в англо-саксонской традиции) сохраняется старая методологическая установка, исключающая из сферы метафизики феномены социальной и политической жизни.

Часть авторитетных ученых, специалистов в области терроризма смертников (М. Крамер, А. Могадам, М. Хафез и др.), признает важную роль религиозного фактора на фоне множества секулярно мыслящих исследователей, отрицающих его хоть сколько-нибудь серьезное значение. Однако даже в исследованиях этих авторов религиозное измерение терроризма сводится до религиозной идеологии, религиозно-культурных детерминант социального протеста и «культуре мученичества». Сместив внимание с индивидуально-личностного уровня на организационно-стратегический, основная часть распространенных на Западе теорий, призванных объяснить сущность терроризма смертников, тем самым практически изгнала антропологическое измерение из рассматриваемого явления. Антропологический

фактор был сведен до набора частных психологических мотивов и личных стимулов террориста-смертника, рассматриваемого полностью или частично через концепт рационального актора. Но сводим ли террорист-смертник к рациональному актору? Учитывая особенности его ситуации, его скорее следовало бы оценивать как экзистенциального субъекта, т.е. субъекта, который делает не рациональный, а экзистенциальный выбор.

Последний включает в себя определенного рода рациональность. Но рациональность эта покоится не только на культурных и мировоззренческих установках, теологической легитимации, но также определенном типе духовности (в которой он находит смысловую основу протеста), личной религиозной вере и метафизических ценностях ислама. Для смертника его решение осуществить мученическую операцию связано со способностью поставить себя на грань бытия и небытия и сделать фундаментальный выбор, определяющий все его дальнейшее существование и его личную судьбу. Этот выбор для исламиста свидетельствует о том, есть ли у него искренняя вера, готов ли он отрешиться от земной жизни в пользу жизни грядущей, предать себя Божественному предопределению? В этом выборе соединяется множество мотивов, притягиваемых к единому полюсу, среди которых: сопротивление культурной, экономической и политической экспансии исламских цивилизаций (в первую очередь, Запада), противопоставление ценностям светской либеральной культуры религиозных ценностей ислама, подчеркивание своего культурного и духовного превосходства особым отношением к собственной смерти, исполненной сакрального и

сотериологического смысла, наконец, желание преодолеть слабость своей цивилизации и своего сообщества путем личной жертвы.

Имеющиеся на данный момент результаты научного изучения феномена террористов-смертников, полученные в совокупности западных социально-гуманитарных дисциплин, таким образом, далеки от совершенства. Достаточно исчерпывающе и эмпирически точно объясняя социальные и политические причины роста популярности атак смертников, стратегический расчет экстремистских организаций и его отличие от психологических стимулов участия самих смертников в террористических кампаниях, и некоторые другие социологические и политологические аспекты терроризма смертников, они, тем не менее, утаивают одну из самых важных сторон феномена – метафизическую сущность протеста, лежащего в основе мотивации смертников. Поэтому будущее в понимании современных форм экстремизма, в том числе связанных с религиозным фундаментализмом и радикальным исламом, стоит за исследованиями, входящими в поле философского знания, способными предложить новый ключ к феномену терроризма смертников и объяснить его духовные и ценностные истоки в контексте его антропологического измерения.

Литература

Култыгин В.П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние / В.П. Култыгин // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 27–36.

Atran S. Genesis of Suicide Terrorism / S. Atran // Science. – 7 March, 2003. – Vol. 299. – P. 1534–1539.

Countering Suicide Terrorism: An International Conference. – Herzliya: ICT, 2001. – 111 p.

Gill P. A Multi-Dimensional Approach to Suicide Bombing / P. Gill // International Journal of Conflict and Violence. – 2007. – Vol. 1 (2). – P. 143–159.

Hafez M. Manufacturing Human Bombs. The Making of Palestinian Suicide Bombers / M. Hafez. – Washington, D. C.: United States Institute of Peace Press, 2006. – 125 p.

Harrison M. An Economist Looks at Suicide Terrorism / M. Harrison // World Economics. – July-September 2006. – Vol. 7. № 3. – P. 1–15.

Sprintzak E. Rational Fanatics / E. Srintzak // Foreign Policy. – September–October 2000. – № 120. – P. 66–74.

Speckhard A. Defusing Human Bombs: Understanding Suicide Terrorism / A. Speckhard. – 2006 [Электронный ресурс]. – URL: www.annespeckhard.com/articles.html

Speckhard A. Understanding Suicide Terrorism: Countering Human Bombs and Their Senders / A. Speckhard – 2005 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.annespeckhard.com/articles.html>

Wiktorowicz Q. Suicide Bombings. Do Beliefs Matter? / Q. Wiktorowicz. – 2004 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.unc.edu/~kurzman/Soc3264/Wiktorowicz_EXPLAINING_SUI-CIDE_BOMBINGS.doc